

## ТЕМА ДОРОГИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА И М. И. ЦВЕТАЕВОЙ («ПРО ОДНУ СТАРУХУ» И «ВОЛЬНЫЙ ПРОЕЗД»)

А. Н. Королева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 января 2015 г.

**Аннотация:** в статье сопоставляются особенности изображения темы дороги в произведениях, посвященных описанию революционной действительности. Анализу подвергаются рассказы «Про одну старуху» И. С. Шмелева и «Вольный проезд» М. И. Цветаевой. Раскрывается общность ряда нравственно-эстетических оценок происходящим событиям.

**Ключевые слова:** Шмелев, Цветаева, дорога, революция.

**Abstract:** the article compares the features of the image of the theme of the road in works devoted to the description of the revolutionary reality. The analysis focuses on the stories "the story of a woman" Shmelev and "Free ride" Tsvetaeva. Reveals the commonality of a number of moral and aesthetic assessments of current events.

**Key words:** Shmelev, Tsvetaeva, road, revolution.

Тема пути, дороги достаточно традиционна для русской культуры, что объясняется, прежде всего, географическими особенностями России, протяженной от Европы в Азию. Путь (дорога) – основной сюжетобразующий мотив многих произведений русской литературы и фольклора, в полной мере выражающих национальное сознание. Эти концептуальные образы имеют четкие характеристики и в христианской традиции, всегда востребованной литературой.

Российский «катаклизм 1917 года» стал для русской литературы 1917–1920 х годов, по точному замечанию М. Цветаевой, «заказом времени». При этом тема дороги явилась одной из тех основных тем, где реальность «бессмысленного и беспощадного русского бунта» (А. С. Пушкин) раскрывается объемно – в мелких деталях и глубинных метафизических образах. Следует учитывать особый характер творческого и жизненного пути И. Шмелева и М. Цветаевой, во многом по-разному оценивших причины и суть произошедших событий, но в чем-то их оценки и совпали.

И в «Вольном проезде» Цветаевой, и в рассказе Шмелева «Про одну старуху» перед читателем со всеми подробностями раскрывается быт «мешочников»: в годы революции и гражданской войны миллионы русских людей, преимущественно из центральной России, отправлялись на юг или в глубь страны, чтобы раздобыть хлеб для себя и своих родных. Они обменивали свои вещи, драгоценности, мыло и тому подобное на муку, пшено, которое грузили в огромные, пудовые мешки. Помимо обычных трудностей пути – физической нагрузки (пудовые мешки вынуждены были тащить на себе иногда несколько километров, причем в большинстве своем это были женщины,

неимоверной тесноты и неудобства в вагонах (несколько суток приходилось иногда не просто простаивать, но стоять вплотную друг к другу), испытывая голод и жажду, холод, жару, духоту, от которых многие умирали в дороге, несчастных ждало еще более страшное испытание – заградительные отряды красноармейцев. В результате, добытое неимоверными усилиями, потом и кровью, телесными и душевными муками, безжалостно отбиралось, что лишало людей последней надежды. Кроме Шмелева и Цветаевой, к дорожной тематике обращались тогда многие писатели, характерной приметой времени становятся переполненные людьми самого разного звания, сословия, достатка вагоны, вокзалы.

Описание путевых впечатлений и в этой связи упоминания о мешочниках – неперенный атрибут мемуарных текстов И. Одоевцевой, В. Шкловского, В. Кривошеина и др. Но именно И. Шмелев и М. Цветаева делают мешочника главным героем своего произведения, причем у Шмелева – это крестьянка, тогда как героиня Цветаевой – представительница интеллигенции.

Дорожные перипетии, страхи, лишения и унижения главных героинь – в центре внимания Шмелева и Цветаевой. В судьбе каждой из них отражается общенациональная, историческая трагедия народа. И в очерке Цветаевой, и в рассказе Шмелева личная трагедия, человеческая беда – тот фон, на котором разворачиваются эпохальные катастрофические потрясения. Страдания «маленького человека» – беззащитной женщины, матери – обретают у обоих писателей метафизический образ страдающей матери-родины, России. И у Шмелева, и у Цветаевой в авторском повествовании обнаруживаются исторические бытовые реалии, призванные запечатлеть

очертания нового бытия. В изображении революционной действительности через образы и мотивы дороги каждый из писателей идет своим, характерным именно для него, путем.

Обратившись непосредственно к тексту произведений, попробуем определить особенности личного переживания Шмелевым и Цветаевой совершающихся событий.

В основе произведений обоих писателей лежат документы. «Вольный проезд», созданный М. Цветаевой в 1918 г. параллельно с поэтическим циклом «Лебединый стан», относится к самым первым прозаическим мемуарным произведениям, выросшим из дневниковых записей, которые она вела в Москве в годы революции и гражданской войны. По своему жанру эти записи, рассматриваемые исследователями как художественное произведение, относятся к автобиографической (или мемуарной) прозе. Подобная тенденция характерна для времени Цветаевой: ряд писателей, ее современников, обращаются к написанию воспоминаний, автобиографий, широкое распространение получает культура дневниковых записей. Этот период изобилует мемуарно-автобиографическими произведениями: И. Бунин «Окаянные дни» (1925), А. Белый «На рубеже двух столетий» (1929), Б. Зайцев «Москва» (1939). Особое значение приобретают в эти годы дневники: В. Брюсов «Дневники», «Из моей жизни» (оп. 1927), М. Волошин «История моей души» (оп. 1991), З. Гиппиус «Петербургский дневник» (1929).

«Вольный проезд» – это дорожные зарисовки М. Цветаевой во время ее путешествия в Тамбовскую губернию с целью выменять муку на ситец и мыло. «Основа цветаевской мемуарной прозы: сочетание документальности и открытого лиризма, сплав жизненных фактов и размышлений, возникающих как бы наедине с собой, как раздумье о произошедшем» [1; 4]. Зарисовки имеют характер отрывочных заметок от первого лица в виде впечатлений, мыслей, размышлений, ощущений, чаще не связанных между собой, но расположенных хронологически, по ходу пути героини. В центре изображения – прежде всего жизнь души героини. Все события преломляются через индивидуальность поэта, через личность самой М. Цветаевой. О. Седакова говорит о прозе Цветаевой как о «вызывающе индивидуалистической» [2; 106].

Автобиографическое начало свойственно и многим произведениям И. Шмелева, созданным им за границей, например эпопее «Солнце мертвых». Многие его рассказы основаны на реальных случаях, свидетелем которых он становился сам или о которых ему рассказывали другие люди. Документальную основу имеет и рассказ «Про одну старуху». Вот что пишет по этому поводу в письме Шмелев: «Никогда я не БРАЛ с «рассказов»: только вот разве – в двух словах, – как старуха прокляла сына, ездила за хлебом и умерла... Я создал «Про одну старуху». И тут – тоже, в двух скупых словах – «случаи»...» [3; 203].

Но если «Вольный проезд» Цветаевой – документ глубоко личный, индивидуальный, то рассказ Шмелева – документ общенациональный, исторический, метафизический. Судьба старухи, ее мытарства – судьба и трагедия всего народа. Интересно, что ее имя мы узнаем почти в самом конце рассказа. Между тем само заглавие рассказа заключает в себе этот внутренний, скрытый смысл произведения. И. Ильин писал: «Заглавия Шмелёва всегда символически существенны и центральны: они выражают главное содержание художественного предмета. Таково, например, заглавие «Про одну старуху», где под «старухой» разумеется не только «эта старуха», но ещё Россия — Родина-мать, брошенная своим сыном и погибельно борющаяся за своих внучат, за грядущие поколения: это нигде не выговорено в рассказе, символ не раскрывается в виде научения, напротив, эта символика таится поддонно, молчаливо, но она зрела в душе автора и медленно зреет в душе читателя, который в конце рассказа переживает весь ужас этого прозрения» [4; 168]. Выполненное в излюбленной манере писателя – в форме сказа – повествование о злоключениях старухи ведется от лица рассказчика. Это человек из народа, из зажиточных крестьян или купцов, с деловой хваткой, семейный, сам потерпевший много горя, но не ожесточенный, умеющий сострадать, рассудительный, житейски мудрый. В замечаниях, комментариях рассказчика передаются автором основные идеи. В его словах мы слышим глас народа, в его сопереживании страданиям старухи – сочувствие к страданиям всего народа.

Внешняя сюжетная линия в обоих произведениях в основных своих вехах сходна: дорога за хлебом в Тамбовскую губернию, мытарства поисков хлеба и обмена и обратный путь. Страдания и унижения «маленького человека», беззащитной женщины, вынужденной терпеть все ради своих детей, – основа внутреннего сюжета. Но в силу именно дневникового характера «Вольного проезда», дорожные перипетии героини Цветаевой более индивидуально-конкретны, переживания – более индивидуально-личностны.

Так, она вынужденно живет на реквизиционном пункте, что для нее составляет дополнительное мучение: «Трагически начинаю уяснять себе, что едем мы на реквизиционный пункт и... почти что в роли реквизирующих» [5; 276]. В доме хозяйки («хамки», как ее называет Цветаева), где они останавливаются, героине приходится мыть посуду, полы. В деревне ее презирают как городского жителя, интеллигентку. Рефреном через всю книгу проходит ощущение тотального одиночества героини: «Всячески пария: для хамки — “бедная” (грошовые чулки, нет бриллиантов), для хама — “буржуйка”, для тещи — “бывшие люди”, для красноармейцев — гордая стриженная барышня», «подозрительные угрюмые мужики, чужой хлеб» [5; 278]. Одиночество автора-повествователя

в очерке Цветаевой хотя и усугубляется в пути, тем не менее, для нее одиночество – не вне, а внутри нее, это свойство ее души. Об этом писала Елена Айзенштейн: «Трагедия разворачивается не вне Цветаевой, а внутри нее» [6;143].

В рассказе Шмелева мы видим одиночество другого плана, это, если так можно выразиться, одиночество всеобщее. Революция разобщила людей, а в дороге людская отчужденность проявляется с особенной силой. Перед читателем предстают человеческие судьбы, и становится понятным, что одиночество людей – вынужденное. У каждого – свое горе: «... а теперь, один как перст, гнездо разорено... По России теперь таких!», каждый сам за себя, потому что так легче выжить: «Стонала там, а кто услышит... всякому до себя только!» [7;158].

Дорожная тема дает возможность писателю ввести в повествование различные жизненные ситуации, человеческие характеры, помогающие передать атмосферу того времени – атмосферу хаоса и беззакония. На страницах книги появляются спекулянты-перекупщики, калеки, разбойники, матросы: «Одни отымают, другие охраняют, – одна шайка. А народ промежду тычется» [7;163].

Хаос проникает и в человеческие души: «Какие превращения видал... – не поверишь, что у человека в душе быть может: и на добро, и на зло. А то все закрыто было. Большое перевращение... на край взошли!» [7;138]. Страшные, вопиющие злодеяния перемежаются случаями людской взаимопомощи. Люди добрые, попутчики, кто «не вовсе душу потерял», кто – «сочувственный», кто – «проникся в ее положение». Упомянутые мимоходом, они попадают на всем протяжении дороги: одни помогли добраться до села, чему-то научили, другие – предупредили об опасности. Среди них попадают, например, матросы, защитившие ее на вокзале и помогшие сесть в поезд. Из беспристрастного, честного отображения действительности рождается осознанный, своим умом постигнутый вывод: «Ну, а где правда-то настоящая, в каких государствах, я вас спрошу?! Не в законе правда, а в человеке» [7;160]. Страдающие носители правды – те самые праведники Шмелева, которые в разных лицах представлены в его творчестве. В данном случае к ним, помимо, конечно, главной героини, относится и рассказчик, и, на первый взгляд, совершенно незначительные персонажи, встречающиеся старухе по пути.

В попутчиках Цветаевой мы также встречаем самых разных людей: обитатели реквизиционного пункта, красноармейцы, делеги-евреи, хозяйка и ее муж. Автор не только отличный психолог, но и точный портретист: чтобы обрисовать характер, Цветаевой порой необходим один меткий образ, слово, единая фраза. Красноармейцы – «опричники», один – «еврей, со слитком золота на шее», другой – «за гривенник зарежет мать». Лаконичное «хам» или

«хамка» – про хозяев. О хозяйках чайной – «раболопство и ненависть». Отрицательные персонажи – все те, кто, как паразиты, питаются за счет страждущего народа. Их портреты лишены человеческого облика, личностного: «Приходят усталые: красные, бледные, потные, злые» [5;148], «Сын: чичиковское лицо, васильковые свинные прорези глаз. Кожу под волосами чувствуешь ярко-розовой. Смесь голландского сыра и ветчины» [5;144].

Простые солдаты, крестьянские бабы, среди которых есть и презирующие, и просто пренебрегающие нашей героиней («Ты, вишь, москowska, невнятная тебе наша жизнь»), тем не менее, объективно воспринимаются ею самой без ответной, взаимной неприязни. Что характерно, именование «опричники» Цветаева применяет не ко всем красноармейцам. Некоторые солдаты, встречающиеся на страницах книги, предстают перед читателем живыми и человеческими. Их редкие реплики, внешне не особенно содержательные, вместе с тем дают ощутить в их носителе множество таких глубинных качеств, как простота, прямота, честность, где-то усталость, и почти всегда – чувство справедливости.

Манера изложения событий и мыслей у Шмелева и Цветаевой хотя и различна, но словесное мастерство этого изложения в обоих случаях помогает нам почти физически ощутить эпоху. Записи, имеющие характер отдельных заметок, фиксируют то, что значимо, в первую очередь, для самого автора, вызвало в нем какие-то чувства, мысли, какие-то характерные ситуации, слова, лица. «Обращение Цветаевой к прозе не превратило ее в прозаика, напротив, подчеркнуло поэтичность дарования, ведь и в прозе она продолжала реализовывать авторский «набор» стиховых приемов: ослабленную сюжетность, ассоциативность повествования, субъективность видения мира, мелодичку речи, внимание к фонетической стороне слова» [8;44]. Посадка – «точно ад разверзся: лязг, визг» [5;136], «весь вагон — как гроб» [5;136].

Все вместе и каждая фраза в отдельности подчинены единой цели – раскрытию момента. Вот что по этому поводу писал М. Л. Гаспаров: «День лирического дневника сжимается до момента, впечатление – до образа, мысль – до символа, и этот центральный образ начинает разворачиваться не динамически, а статически, не развиваться, а уточняться» [6;141].

Подтверждение верности слов ученого мы находим в описании торгов героини и крестьянок: «Щупанье, нюханье, дерганье, глаженье, того и гляди — на зуб возьмут» [5;148]; или – сцена обыска: «Крики, плач, звон золота, простоволосые старухи, вспоротые перины, штыки» [5;152].

В стремлении осмыслить пережитое, зафиксировать его, автором вводятся характерные моменты, встречи, разговоры, реплики, пословицы:

– «Ненависть солдат к иконам и любовь к Богу» [5;142]

– «Мужики озлоблены, бывает, что поджигают вагоны» [5;142]

– «Обыск длится до свету: который раз ни просыпаюсь — все то же» [5;137]

– «имение кн. Вяземского: пруды, сады... (Знаменитая, по зверскости, расправа)» [5;138]

– «"Господи! Убить того до смерти — у кого есть сахар и сало!" (Местная поговорка)» [5;148]

– «Какие же дети, когда кушать нечего» [5;139]

Некоторые записи отдельно обозначены, как бы озаглавлены: «Из вагонных разговоров», «Ночной спор о Боге», «Крестьяне». Так вырисовывается картина эпохи, атмосфера тогдашней России, типичные характеры переходного, беспокойного времени.

Для Шмелева образ рассказчика, использование несобственно-прямой речи помогают осмыслить и передать ужасы пути главной героини, именно сквозь призму мировосприятия простого русского человека – трагедию всего народа. Устами людей из народа судится революция и ее вершители: «А жизнь прямо каторжная пошла... Грабежи да поборы... Только уж под жабры когда прихватило, тогда поняли... – жуликам пошло счастье!» [7;161]. Или вот: «А чего окаянным будет, которые эти порядки удумали?! Народу сколько загублено через их...» [7;164]. Часто в словах людей слышится позднее раскаяние: «Во как хлебушек-то теперь дается! Прежде вон, за монетку, и в бумажку завернут, дураки-то вот когда были... а как все умные стали... » [7;169].

Народные поговорки, актуальные для того времени: «Как крыса на лабазе» [7;172], «Нужда по нужде стегает» [7;163] рисуют перед нами эпоху людского ожесточения.

«Мешок» – центральный образ в произведении. Так, этот образ помогает раскрыть глубинную проблему самого явления «мешочников»: «человека из-за мешков не видно» [7;172], «Не люди с мешками, — мешки на людях» [5;149]. Непосильный труд порой лишает человека человеческого облика, изнуряет и опустошает не только внешне, но, что несравненно страшнее, изнутри. И кто-то падает под тяжестью своего. Да и сами эти труды в итоге подобны тщетным и бессмысленным мучениям Сизифа.

Цветаева использует для этого иной образ – образ дырявого мешка: «Быт, это мешок: дырявый. И все равно несешь» [5;149]. Героиня Цветаевой, как видим, вопреки всему несет его. Что ей помогает? Ирония. В дневниковых записях М. Цветаевой мы находим такие слова: «Победить старость – как сейчас – молодость мне поможет – Ирония» [5;12]. Несомненно, эти слова можно отнести и к испытаниям дороги. Это доказывает и присутствующая в «Вольном проезде» горькая ирония, помогающая героине преодолевать окружающую враждебность, собственный страх: «За возглас: "курочки ня нясутся!" готова передуть не только всех их кур, но их самих — всех! — до десятого колена» [5;142]. Но есть еще одно качество в ав-

торе-повествователе, которое не обозначено в рассказе, но о котором мы узнаем из дневниковых записей: «Я не боюсь старости, не боюсь быть смешной, не боюсь нищеты — вражды — злословия. Я, под моей веселой, огненной оболочкой, — камень, т. е. неуязвима. — Вот только Аля. Сережа» [5;9].

Атмосфера в произведении Шмелева оставляет более тягостное впечатление. Перед читателем с беспощадной реалистичностью предстает страшная реальность революционного времени: мужчина-удавленник, у которого украли все деньги, извозчик с опухолью во всю грудь, «бабы-девки», вынужденные гулять с солдатами, чтобы только не отобрали хлеб, придавленный мешками старик в поезде. Центральным образом, в котором раскрывается бессмысленность и беспощадность русского бунта, кульминацией дорожных мытарств главной героини становится сцена борьбы между ней и собственным сыном, солдатом реквизиционного отряда, не узнавшим собственную мать и пытающимся отнять у нее мешок с мукой. Последние ее слова, сказанные сыну, и его самоубийство – как грозное предупреждение писателя повинным в страданиях народа, Родины: «"Во-он ты где?! с ими?!.. у родных детей хлеб отымаешь?!.. Мы погибаем-мучимся: а ты по дорогам грабишь?!.. родную кровь пьешь?!.. да будь ты... проклят, анафема-пес!!.. про-клят!!!"» [7;173]. Но, несмотря на такое безрадостное окончание рассказа, в самом произведении звучат обнадеживающие мысли. Спасение русского народа Шмелев связывает с верой в Бога, в Божий Промысел: «...либо народу гибель, либо, если выбьется из этой заразы, должен обязательно просветлеть: всех посетил Господь гневом» [7;135]. Залог же будущего просветления мы находим в тех самых персонажах, которых встречаем на страницах книги: это, прежде всего, главная героиня и сам рассказчик.

Подводя итоги, отметим, что дорожная тематика в этих произведениях теснейшим образом связана с темой странничества. Но в том новом миропорядке, в условиях которого живут герои Шмелева и Цветаевой, странничество приобретает иное значение. Это не прежнее добровольное Христа ради странствие по просторам родной земли, устремленность к горнему, благодатное единение с миром и людьми. Здесь странничество вынужденное, в отчаянных попытках раздобыть пропитание, скитание бесприютных разьединенных душ. В художественном мире этих произведений отсутствует понятие дома, или какого бы то ни было крова. Не случайно, что ни одна из героинь не возвращается домой. Путь главных героев становится замкнутым кругом, дорогой в никуда.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырева Д. А. Формы выражения авторского присутствия в мемуарной прозе М. Цветаевой / Д. А. Бога-

тырева // Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Богатырева. – М. 2009. – 32 с.

2. Седакова О. Апология разума / О. Седакова. – М. : Русский путь, 2013. – 160 с.

3. Осьминина Е. А. «Крушение кумиров» // Духовный путь Ивана Шмелева: Статьи, очерки, воспоминания / Е. А. Осьминина – М. : Сибирская Благозвонница, 2009. – 256 с.

4. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики / И. А. Ильин – М. : Книга по требованию, 2013. – 202 с.

5. Цветаева М. Проза / М. Цветаева – Кишинев :

Лумина, 1986. – 544 с.

6. Айзенштейн Е. Шекспировские мотивы в творчестве Цветаевой / Е. Айзенштейн // Марина Цветаева и Франция. Новое и неизданное. – М. : Русский путь. – 2002. – 268 с.

7. Шмелев И. С. Собрание сочинений: В 5 т. / И. С. Шмелев. – М. : Известия, 1998. – Т. 2.

8. Зубова Л. «Небо» Марины Цветаевой: слово в контексте творчества / Л. Зубова // Марина Цветаева и Франция. Новое и неизданное. – М. : Русский путь. – 2002. – 268 с.

*Воронежский государственный университет  
Королева А. Н., аспирант кафедры русской литературы  
XX и XXI веков, теории литературы и фольклора  
E-mail: netochkakor@rambler.ru*

*Voronezh State University  
Koroleva A. N., Post-graduate Student of the Russian  
Literature of the XX–XXI-st Centuries, Theoretical Literature and  
Folklore Department  
E-mail: netochkakor@rambler.ru*